

ПОЕТИКА І МЕТОДОЛОГІЯ

УДК 821.161.1

ТРАНСФОРМАЦІИ БІОГРАФІЧЕСКИХ РЕАЛІЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В. МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧ

Марія Михайлівна Волошин

marvollpi@gmail.com

Викладач

Кафедра іноземних мов

Національний університет „Львівська політехніка”

Вул. С. Бандери, 12, 79013, м. Львів, Україна

Анотація. Розглянуто стратегії художнього переосмислення та міфологізації біографічного матеріалу у творчості В. Малахієвої-Мирович. Проаналізовано роль псевдоніма у формуванні автоміфу поетеси і простежено кореляції змістового наповнення псевдоніма з константними характеристиками ліричного „я” Малахієвої, для чого до аналізу залучено контексти прозової творчості Л. Шестова та роману Г. Данилевського „Мирович”. Виявлено трансформації біографічних реалій у ліриці поетеси, зокрема, концептуальну значущість мотиву материнства та його модифікацій (образ бабусі в пізніх віршах) в її художній автоміфології. У результаті встановлено, що специфіка художнього переосмислення біографічного матеріалу в поезії Малахієвої-Мирович зумовлена поєднанням досвіду символізму (міфопоетична стратегія) із властивим поезії ХХ ст. тяжінням до побутової конкретики.

Ключові слова: В. Г. Малахієва-Мирович, автоміфологізація, духовна автобіографія, поетичний мотив.

Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869–1954), автор почти четырех тысяч стихотворений, из которых при ее жизни было напечатано лишь несколько десятков, относится к числу тех чрезмерно скромных поэтов, которые на фоне своих блестящих современников в эпоху Серебряного века старались держаться в глубокой литературной тени, добровольно отводя себе место маргинальных фигур литературного процесса. К такой позиции тяготел и один из величайших поэтов эпохи Ин. Ф. Анненский, дебютировавший под псевдонимом Ник. Т-о и никогда не стремившийся войти в число „властителей дум”, и Е. Ю. Кузьмина-Караваева, создавшая ярчайшие образцы поэзии „одиноких” (так

обозначает поэтов, избравших „маргинальную” парадигму, С. Н. Бунина в своем исследовании, посвященном специально поэтам-„маргиналам” в литературе Серебряного века [2]), а еще раньше данная позиция была канонизирована Е. А. Баратынским, стихотворение которого „Мой дар убог, и голос мой негромок...” можно считать манифестом поэзии „одиноких”.

Талантливая ученица символистов и подруга Л. Шестова, молодая киевская поэтесса В. Малахиева тоже считала свой дар слишком скромным, а свою фигуру – слишком незначительной на фоне гигантов Серебряного века. Характерна ее реакция на совет серьезно включиться в литературную жизнь Петербурга после ее приезда туда: „Услышав от известной переводчицы и историка литературы Зинаиды Венгеровой: „Вам необходимо < ... > стать заправским литератором”, Варвара Григорьевна приходит в ужас от самой идеи окончательного выбора жизненного занятия” [5, с. 445]. Малахиева проживет всю свою долгую жизнь в буквально „подпольном” модусе – вначале добровольно, избрав для себя описанный выше образец маргинального существования в литературе как особого рода разновидность христианского смирения, а затем, в советские десятилетия – уже вынужденно, поскольку „необщее выраженье” ее музыки и далекий от светскости мир ее поэзии исключали какую-либо официализацию в советском пространстве. Литературное „подполье” в случае Малахиевой сочеталось и с жизненным одиночеством и неприкаянностью: у нее никогда не было своей семьи, детей и, фактически, никогда не было настоящего дома – до революции это съемные квартиры или дома, в которых Малахиева работала гувернанткой; после революции – полубарачное пристанище в Сергиевом Посаде или чужие углы.

В этой нищенски-страннической биографии и добровольном неблагополучии заключался, естественно, богатый потенциал для художественной концептуализации и мифологизации. И поэтический автомиф Малахиевой строится на основе мотивов одиночества, неуют, неудачливости, изгойства и т.п.

И, в первую очередь, носителем этих смысловых комплексов является, на наш взгляд, псевдоним поэтессы – Мирович. По общему мнению немногочисленных исследователей творчества Малахиевой [5, с. 435], этот псевдоним восходит к ранним рассказам Л. Шестова, герой нескольких из которых носит фамилию Мирович. Шестов оказал большое влияние на Малахиеву, любовь к нему поэтесса считала едва ли не самым ценным подарком судьбы, поэтому псевдоним из Шестова – это форма

своеобразного духовного слияния с человеком, которого Малахиева считала своим самым близким и лучше всех понимающим ее другом. Но ассоциирование своего лирического „я” с литературным героем предполагает некую созвучность этому герою по сути, выстраивание в поэзии адекватного ему лирического образа. Поскольку рассказы Шестова остались неопубликованными, судить об их герое мы можем лишь по косвенным упоминаниям. Так, Нат. Баранова-Шестова в подробной биографии Льва Шестова сообщает, что образ Мировича у Шестова явно был наделян автобиографическим содержанием (юноша-идеалист, мечтающий „сказать новое слово и начать новое дело” [1]), а также, что в одном из этих рассказов Мирович – бедный гимназист, а в другом – „молодой неудачливый писатель” [1]. Пожалуй, лишь профессия и „неудачливость” сближают героя Шестова с лирическим героем Малахиевой. Кстати, и в ряде стихотворений, и в дневнике, говоря о себе в „ипостаси” Мировича, Малахиева использует мужской род. Таким образом, Мирович – это воплощение мужской составляющей ее „я”, нечто вроде персонифицированного юнговского „анимуса”, который оказывается одновременно и художественно превращенной формой „я” Льва Шестова (поскольку, как было сказано выше, его Мирович автобиографичен). Таким образом, „присваивая” Мировича, Малахиева символически соединяется со своим любимым другом, с которым в жизни их связывала только платоническая любовь.

Но, на наш взгляд, у псевдонима Малахиевой (как, впрочем, и у героя Шестова) есть еще один источник: это исторический роман Г. П. Данилевского „Мирович”, опубликованный в 1879 г. и имевший „большой общественный резонанс” [3, с. 421]. И с этим произведением и его героем в художественном мире Малахиевой-Мирович обнаруживается немало пересечений.

Мирович Данилевского – это реальная историческая личность, подпоручик Смоленского полка Василий Мирович, уроженец Украины. Украинские корни Малахиевой имели для нее самой немаловажное значение, в Петербурге и Москве она тоже воспринималась, прежде всего, как украинка („Хорошенькая и полногрудая украинка Мирович”, – не слишком доброжелательно характеризует ее Евгения Герцык [5, с. 447]). Вполне возможно, что не слишком „свой” в петербургском мире герой Данилевского для Малахиевой представлял изначально некую корреляцию ее собственной литературной судьбе в российских столицах.

Сближает героя исторического романа с поэтическим миром Малахиевой и тот факт, что исторический Мирович тоже писал стихи: в конце своей книги Данилевский приводит сохранившееся в семейном архиве Мировича стихотворение, аллегорически рассказывающее о неудавшейся попытке освободить „царственного узника” Иоанна Антоновича. Собственно, этой попыткой Мирович и вошел в историю, и с ней связана ключевая характеристика этого героя, роднящая его с лирическим героем Малахиевой – не просто непоправимая неудачливость, обреченность на неуспех любых его начинаний, но ощущение того, что все, что с ним происходило, было злой иронией судьбы, словно стремящейся убедить героя, что он и все его прекрасные порывы не нужны миру: „Все планы, надежды, все его смелые предположения были опрокинуты, разбиты вдребезги. ... „Доля ты, каторжная, злая! – в бессильном негодовании и бешенстве повторял и клял себя Мирович. – Да когда ж ты будешь ласковой матерью, а не бьющею злою мачехой?..” [3, с. 306]. Движимый самыми благородными идеями, герой Данилевского все время принимает ложные решения, не совпадающие с общей логикой исторического процесса его времени и обрекающие героя на маргинальное существование, а в конце концов и на гибель. Он все время попадает как бы мимо общего русла событий, и это русло в итоге выталкивает его не только с поля исторических деяний, но и из самой жизни. Ощущение попадания „мимо” жизни остро проявлено и в стихах Малахиевой:

Но нить судьбы неумолимая
Меня далеко отвела.
И мимо церкви, жизни мимо я
В Невозвратимое ушла [4, с. 193].

Или – очень точно описывающая логику происходящего не только с лирическим героем Малахиевой, но и с героем Данилевского притча о нерешенной задаче:

Худо исполнен урок мой дневной.
Всюду нули, единицы.
Сердце томится над ними тоской,
Сердце ответа страшится.

Скоро звонок. И закроется класс.
И не решить мне задачи.
Той, для какой я на свет родилась.
Той, над какой втихомолку я плачу [4, с. 324].

Но все-таки, стихотворений, в которых с такой безнадежностью осмысливалась бы эта участь „ненужного” человека, у Малахиевой немного. Представляется, что в большой степени этот смысл, слишком личный и болезненный для поэтессы, реализован в псевдониме. Стихи же, особенно множество стихотворений, проникнутых христианским упованием на вечную жизнь и христианской верой в ценность и необходимость каждой жизни в мире, формируют пространство преодоления этой безнадежности, как, например, в следующих строках:

Там вдали, где в зарю облакается
Белый ангельский клир,
Боль земная вся претворяется
В ясный мир [4, с. 94].

Таким образом, псевдоним словно аккумулирует отрицательные начала биографического мифа Малахиевой, а лирика в большой степени создает им альтернативу, укорененную уже не в личном, а в универсально-христианском, надличностном пространстве.

Еще одним существенным направлением художественной трансформации и мифологизации биографического материала в лирике Малахиевой-Мирович может быть признан мотив материнства. Не имея детей в жизни, Малахиева системно выстраивает в своей поэзии контекст „материнства-детства”, виртуозно внедряя в поэтическую реальность элементы собственной биографии и биографий близких людей (семьи М. Шика, Д. Андреева и др.) в сочетании с поэтической мифологизацией квазиматеринства своей лирической героини. В этом она (вероятно, вполне сознательно) перекликается с Еленой Гуро, с которой Малахиева была дружна при жизни Гуро и о которой сохранила светлую и долгую память после ее смерти. Как известно, у Гуро, не имевшей детей, как и Малахиева, в поэтической мифологии большое место занимает „миф о юноше-сыне”, досконально проанализированный В. Н. Топоровым, даже считавшим, что этот миф „имел определяющее значение для всего ее творчества и в некоем высшем смысле стал программой ее жизни” [7, с. 403–404]. О том, что образ сына является ключевым в творчестве Гуро и для Малахиевой, свидетельствует стихотворение „Памяти Елены Гуро” (1922 г.), в котором именно образу сына отведена ключевая роль – в финале стихотворения, в картине посмертной встречи матери и сына в Раю:

С твоей картины нежный зверь,
Прозрачно радужный лосенок,
Тебе открыл Эдема дверь,
Где призрак, ласковый и тонкий,

Земного сына твоего
Тебя объятъем лунным встретил
И дивной музыкой отметил
Твоей кончины торжество [4, с. 129].

Но Малахиева создает и собственный, независимо от Гуро выстроенный вариант материнского поэтического мифа, наполненный напряженным драматизмом. Этот драматизм формируется, на наш взгляд, благодаря контрастному сопряжению двух противоположных планов: конкретно-биографического и даже бытового плана стихов, посвященных чужим детям, по отношению к которым Малахиева ощущала себя названной матерью (особенно выделим тут стихи, посвященные Даниилу Андрееву, которого она растила и который считал Малахиеву своей духовной матерью), и плана мифопоэтического и символического, в котором мотив материнства окрашен у Малахиевой возвышенным смыслом жертвы и сострадания, восходящим к евангельскому истоку („Отнимается дитя у матери...”, с. 366, „Не та мать – сирота...”, с. 415). Интимно-личное, откровенно автобиографическое и возвышенно-трагедийное начала, таким образом, дополняют и углубляют друг друга, так что мотив материнства получает у поэтессы одновременно и щемяще задушевное, и величественно-обобщенное звучание. Как говорил Пастернак в „Докторе Живаго” о Евангелии, что в нем „истина освещена светом повседневности”, так же и мотив материнства у Малахиевой звучит одновременно и возвышенно, и по-домашнему просто.

Но особенным драматизмом и сложным психологически-символическим содержанием мотив материнства наполняется в стихах Малахиевой, обращенных к М. Шикю, отношения с которым по прошествии времени она определяла так: „М. В. Шик в течение 12-ти лет приносил мне ежедневно, ежечасно величайшие дары – благоговейного почитания Женщины, нежности, бережности, братской, отцовской и сыновней любви, заботы, верности. Когда ему было 20, а мне 38 лет, наш союз стал брачным и брак длился около 10 лет” [5, с. 454]. Ситуация любви к юноше в два раза моложе себя, к тому же любви, эволюционировавшей в духовное матерински-сыновнее чувство после того, как М. Шик женился на

Н. Шаховской, – это в высшей степени „мифогенная” биографическая ситуация. И в поэзии Малахиевой она находит отражение в заостренном до почти трагедийного накала сюжете о „преступной матери” и о сыне-женихе. Материнская составляющая этого сюжета биографически обусловлена еще и тем, что при крещении М. Шика (уже во взрослом возрасте, перед женитьбой) Малахиева была его крестной матерью. События крещения и венчания М. Шика нашли отражение в неозаглавленном цикле Малахиевой 1918 г., где мотив грешной любви матери к сыну звучит вдвойне зловеще, в частности, в стихотворении „На Илью Пророка сын мой родился...”, благодаря использованию архаической символики смерти (серп, которым будут жать жизни грешных матери и сына).

На наш взгляд, своеобразной вариацией материнской темы является образ „бабушки” в поздних стихах Малахиевой (стихотворения „Детское”, „Сергеюшке”). В первом из них „младенчики”, которые „в гости к бабушке пришли”, представляются неким собирательным образом детства как воплощения всего самого чистого и светлого в мире. И старость, озаренная этим светом („Жизнь алмазною дорогою / Мне сверкнула на окне” [4, с. 161]), предстает не проклятием, а благословением.

Наконец, присутствие материнского чувства в поэтическом мире Малахиевой обеспечивается и регулярным появлением стихотворений в жанре колыбельной („Колыбельная” 1916 г., „Колыбельная” 1920 г., „Баю, баю, баю, Лисик...”).

В целом можно сказать, что мотив материнства, драматически преломленный через биографический опыт Малахиевой, отличается в ее поэзии отсутствием единого сюжетного стержня и дает такую амплитуду образных реализаций и эмоциональных оттенков (от трагедийного до идиллического), что возникает ощущение, что поэтесса намеренно „размывает” этот мотив в своем поэтическом мире, формируя „мерцающую”, но не получающую окончательного воплощения интенцию материнства.

Таким образом, можем сделать вывод, что биографический материал систематично и разнообразно преломляется в творчестве Малахиевой-Мирович, в целом тяготея к мифологизации. При этом автобиографичные темы и образы ее поэзии отличаются и символистским универсализмом, и бытовой конкретностью. В этом сочетании „быта” и „бытия” можно усмотреть особенность стратегии художественного автомифологизирования поэтессы.

1. *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова (По переписке и воспоминаниям современников) [Электронный ресурс] / Н. Баранова-Шестова. – М. : La Presse Libre, 1993. Т. 1. – Режим доступа : http://royallib.ru/book/baranovashestova_natalya/gizn_lva_shestvoa_po_perepiske_i_vospominaniyam_sovremenikov_tom_1.html.
2. *Бунина С. Н.* Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века (М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева) : монография / С. Н. Бунина. – М. : Издательство Российского университета дружбы народов, 2005. – 440 с.
3. *Данилевский Г. П.* Мирович / Г. П. Данилевский ; послесл. и примеч. Н. Г. Ильинской. – М. : Правда, 1986. – 448 с.
4. *Малахиева-Мирович В. Г.* Хризалида : стихотворения / В. Г. Малахиева-Мирович ; сост. Т. Нешумова. – М. : Водолей, 2013. – 608 с.
5. *Нешумова Т.* Жизнь Варвары Григорьевны Малахиевой-Мирович / Т. Нешумова // Малахиева-Мирович В. Г. Хризалида : стихотворения ; сост. Т. Нешумова. – М. : Водолей, 2013. – С. 434–481.
6. *Нешумова Т.* Поэтический мир В. Г. Малахиевой-Мирович / Т. Нешумова // Малахиева-Мирович В. Г. Хризалида : стихотворения ; сост. Т. Нешумова. – М. : Водолей, 2013. – С. 482–507.
7. *Топоров В. Н.* Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении в творчестве Елены Гуро / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – М. : Издательская группа „Прогресс” – „Культура”, 1995. – С. 400–427.

ТРАНСФОРМАЦИИ БИОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В. МАЛАХИЕВОЙ-МИРОВИЧ

Мария Михайловна Волошин

[*marvollpi@gmail.com*](mailto:marvollpi@gmail.com)

Преподаватель

Кафедра иностранных языков

Национальный университет „Львовская политехника”

Ул. С. Бандеры, 12, 79013, г. Львов, Украина

Аннотация. Рассмотрены стратегии художественного переосмысления и мифологизации биографического материала в творчестве В. Малахиевой-Мирович. Проанализирована роль псевдонима в формировании автомифа поэтессы и прослежены корреляции смыслового наполнения псевдонима с константными характеристиками лирического „я” Малахиевой, для чего к анализу привлечены контексты прозаического творчества Л. Шестова и романа Г. Данилевского „Мирович”. Выявлены трансформации биографических реалий в лирике поэтессы, в частности, обоснована концептуальная значимость мотива материнства и его модификаций (образ бабушки в поздних стихах) в ее художественной автомифологии. В результате установлено, что специфика художественного переосмысления биографического материала в поэзии Малахиевой-Мирович обусловлена

соединением опыта символизма (мифопоэтическая стратегия) с присущим поэзии XX в. тяготением к бытовой конкретике.

Ключевые слова: В. Г. Малахьева-Мирович, автомифологизация, духовная автобиография, поэтический мотив.

TRANSFORMATION OF BIOGRAPHIC REALITIES IN A POETIC WORLD OF V. MALAKHIEVA-MYROVITCH

Mariia Voloshyn

marvollpi@gmail.com

Department of foreign languages

National University "Lvivska Polytechnica"

S. Bandera str. 12, 79013, Lviv, Ukraine

Abstract. The article is devoted to revealing the strategy of autobiographic material artistic transformation in the poetry of V. H. Malakhieva-Myrovitch. Above all, in her works a biographical context is subjected to the transformation just while choosing the poetic pen name and forming an adequate lyric image. The surname "Myrovitch" was borrowed from the early stories by L. Shestov. L. Shestov exerted a considerable influence on V. Malakhieva, she thought the love to him to be, unlikely, the most valuable gift of her fate, therefore, the pen name, taken from his works is the manifestation of spiritual union with the man which V. Malakhieva considered to be the closest friend of hers. But, not less conceptual content is added to the semantics of her pen name by accounting such source as the novel "Myrovitch" by H. Danylevskiy which extends the conception of heromarginal in the lyric of V. Malakhieva. The other tendency towards biographic material transformation in the lyric of V. Malakhieva that can be recognized is the motive of maternity. Не имея детей в жизни, Being childless, V. Malakhieva forms in system way the context of "maternity-childhood", masterly implementing the elements of her own biography and the biographies of her close setting (the families of M. Shick, D. Andreyev etc.) into a poetic reality in conjunction with a poetic quasi-maternity mythologization of her lyric heroine. Moreover, the everyday life aspect of the subject is balanced by a sublime-symbolic imagery of the tragic poems, concerning the maternity. Among the most interesting variations of maternity imagery is the image of "grandmother" in the late author's poems, where a maternal theme is endowed with greater variability as well as imaginative-semantic plasticity. As a result, we conclude, that both a symbolic basis of V. H. Malakhieva-Myrovitch's artistic world view and an individual gravity to a biographic concreteness of her lyrics are forming an original strategy of biographic material transformation, based on the combination of "everyday life" plan and the plan of "entity" or "being".

Key words: V. H. Malakhieva-Myrovitch, automythology, spiritual autobiography, automotive.

References

1. Baranova-Shestova N. *Gizn Lva Shestova (Po perepiske i vospominaniyam sovremenikov)* [Life of Lev Shestov (According to the correspondence and

- memoirs)]. Moscow, 1993, vol. 1. Available at: http://royallib.ru/book/baranovashestova_natalya/gizn_lva_shestvoa_po_perepiske_i_vospominaniyam_sovremenikov_tom_1.html (accessed 15 October 2014). (in Russian).
2. Bunina S. N. *Poety marhinalnogo soznania v russkoi literature nachala XX veka* (M. Voloshyn, E. Huro, E. Kuzmina-Karavaeva) [Poets of marginal consciousness in Russian literature of XX century]. Moscow, 2005, 440 p. (in Russian).
 3. Danilevskiy H. P. *Mirovich*. Moscow, 1986, 448 p. (in Russian).
 4. Malaxieva-Mirovich V. H. *Xrizaliada* [Crysalis]. Moscow, 2013, 608 p. (in Russian).
 5. Neshumova T. Gizn Varvary Hrihorevny Malaxievoy-Mirovich [Life of V. H. Malakhieva-Myrovitch]. In: Malaxieva-Mirovich V. H. *Xrizaliada*. Moscow, 2013, pp. 434–481. (in Russian).
 6. Neshumova T. Poeticheskiy mir V. H. Malaxievoy-Mirovich [Poetic world of V. H. Malakhieva-Myrovitch]. In: Malaxieva-Mirovich V. H. *Xrizaliada*. Moscow, 2013, pp. 482–507. (in Russian).
 7. Toporov V. N. Mif o voploshchenii yunoshi-syna, eho smerti s voskresenii v tvorchestve Eleny Huho [Myth about the personification of the youth-son, his death and resurrection in the creative works of E. Huro]. In: *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoliticheskogo. Izbrannoe*. Moscow, 1995, pp. 400–427. (in Russian).

Suggested citation

Voloshyn M. Transformatsii biograficheskikh realii v poeticheskom mire V. Malakhievoy-Mirovich [Transformation of Biographic Realities in a Poetic World of V. Malakhieva-Myrovitch]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2014, no. 89, pp. 7–16. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 24.11.2014 р.